

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 346–354.

УДК 82-3

Ю. А. Мельник

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (на материале современной публицистики)

Особый исследовательский интерес у нас вызвали прецедентные высказывания (ПВ), источниками которых являются тексты песен, поскольку этот вид источников занимает второе место по частотности обращения (21% от общего количества проанализированных случаев). Кроме того, при составлении словарей этим ПВ не уделяется такое пристальное внимание, как другим типам.

Предметом нашего исследования в целом являются прецедентные высказывания, восходящие к наиболее популярным текстам — источникам (литературным произведениям, фразеологии [в широком понимании, включая пословицы, поговорки], текстам песен) и специфика их функционирования в современном публицистическом дискурсе.

Изучению ПВ посвящены работы таких ученых как Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Т. А. Яценко, Е. О. Наумова, Г. П. Джинджолия, Н. С. Валгина, Г. Г. Слышкин и др.

Цель: рассмотреть прецедентные высказывания с точки зрения лингвокультурологического подхода и описать специфику их функционирования в современном публицистическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили такие издания: “Аргументы и Факты в Украине”; “Русский мир”; “Крымская правда”; “Собеседник”; “Литературная газета”; “Комсомольская правда в Украине”; “Известия” и “Московские новости” за 2001-2003 гг.

Уже неоднократно высказывалась мысль о том, насколько важна подобная исследовательская работа при поиске способов формирования коммуникативной компетенции инофонов, обеспечивающей успешное общение на иностранном языке [1, 248-249], [2, 64], [3, 140]. Известный факт: культурная компетенция является неотъемлемой частью компетенции коммуникативной. Следовательно, без знания фактов культуры невозможно адекватное оперирование фактами изучаемого языка, т. е. неизбежными становятся коммуникативные неудачи. Отсюда вытекает, что в процессе преподавания русского языка как иностранного (РКИ) акцент должен делаться на **аккультурации** инофона — т. е. на усвоение им фактов культуры той страны, язык которой он изучает. Неудивительно поэтому то, что современные лингвисты, а также методисты РКИ проявляют повышенный интерес к исследованию набора этих элементов — так называемого **культурного минимума** — и настаивают на необходимости **культурной грамотности (cultural literacy)** — термин Э. Хирша). Она включает в себя

“информацию об истории, науке, искусстве, литературе, т. е. сведения бытового характера, необходимые среднему носителю данной культуры для адекватного общения в ее рамках. Сведения эти, как правило, довольно поверхностны и примерно соответствуют тому, что в разговорном русском языке получило название банальной эрудиции” [4, 11].

В научной литературе эти сведения определяются как **фоновые знания** (см. [5, 8-9]). Д. Б. Гудков, например, называет их **внескодовыми знаниями** (в отличие от “знания кода”, т. е. языка как набора разноуровневых единиц и правил оперирования ими). Г. Г. Слышкин, вслед за Г. Кларком, пользуется термином коллективные **общие основания (communal common ground)**. В их состав входят не только знания как таковые, но и верования, образы, предположения, ожидания, разделяемые участниками общения. Все эти элементы участвуют в построении **когнитивной базы лингво-культурного сообщества** (термин введен в статье Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой [2, 62]). В понимании авторов статьи когнитивная база не что иное, как “определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает большинство социализированных членов этого сообщества” [цит. по 1, 249]. Понятие **когнитивной базы** сближается с понятием **национальной концептосферы**, разрабатываемым Г. Г. Слышкиным. Он полагает, что “**концепт**” --- это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, **концепт** это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее” [4, 3]. (Понятие концепта — базовое для новой отрасли научного знания — лингвокультурологии — Г. Г. Слышкин использует при исследовании прецедентных текстов, что тесно связано с предметом нашего исследования.) Национальная же концептосфера согласно пониманию Г. Г. Слышкина, включает в себя наивную картину мира, национальную систему ценностей, определенную сумму информации, необходимую для успешного общения. Оно возможно лишь в том случае, если коммуникант хорошо знаком с концептосферой собеседника или (в терминологии Д. Б. Гудкова) — с элементами его когнитивной базы (хотя бы ядерными). Процесс усвоения этих элементов представляет для инофонов значительные трудности. Их разрешению в немалой степени способствует возросший в последнее десятилетие исследовательский интерес к проблемам взаимодействия языка и культуры. В русле этих исследований как раз и идет поиск преподавательских приемов презентации, закрепления и активизации национально-специфичных единиц языка и дискурса. Самое пристальное внимание вопросам взаимодействия языка и культуры сейчас уделяет такая научная дисциплина как **лингвокультурология**.

Большой интерес для лингвокультурологов представляют прецедентные высказывания, рассматриваемые в качестве носителей культурного компонента.

Под **прецедентным высказыванием** вслед за Д. Б. Гудковым мы понимаем “репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной, слож-

ный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, в когнитивную базу входит само ПВ как таковое, ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей языка” [6, 55].

Необходимо, однако, отметить, что для обозначения данного явления существует большое количество терминов: **языковой афоризм** (Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [7, 74]); **цитата-реминисценция** — “**коммемората**” (Л. П. Дядечко [8, 19]); **речевой стереотип** (Т. М. Николаева [9, 253]); **текстовая реминисценция** (А. Е. Супрун [10]); **клише** (Г. Л. Пермяков [11]); некоторые ученые, например, Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева вообще смешивают оба понятия — **прецедентный текст** и **прецедентное высказывание** [12]. Мы же отдаем предпочтение термину, предложенному Д. Б. Гудковым, поскольку он явно указывает на основной признак исследуемого типа высказываний — “прецедентность”, т. е. на известность этого явления всем представителям национального (в данном случае — русского) лингво-культурного сообщества. ПВ вместе с другими прецедентными феноменами (прецедентными текстами (ПТ), прецедентными ситуациями (ПС) и прецедентными именами (ПИ)) принимает участие в построении когнитивной базы. Все феномены тесно взаимосвязаны. В речи ПВ выступают, как правило, в роли символа ПТ, т. е. при употреблении прецедентного высказывания в сознании адресата моментально актуализируется инвариант восприятия текста-источника. Г. Г. Слышкин, например, использует иной термин — **концепт прецедентного текста**. По его мнению, концепты ПТ формируют **текстовую концептосферу**. При этом он рассматривает ее отдельно от национальной концептосферы. Для нас подобное “дробление” нежелательно (если только не говорить о вхождении текстовой концептосферы в национальную). Именно поэтому мы предпочитаем использовать термин **когнитивная база**.

Нужно отметить, что русский язык конца XX — начала XXI в. характеризуется чрезвычайной насыщенностью ПВ. Особенно ярко это проявляется в публицистическом дискурсе. Инофоны начинают знакомиться с современными публицистическими текстами на продвинутом этапе обучения. Несомненно, изучение и анализ этих текстов крайне важны для развития культурной компетенции. Но их адекватное понимание затруднено именно в силу “зашифрованности” нынешнего публицистического стиля (а, следовательно, его ориентированности на культурно грамотного читателя). Здесь мы имеем в виду тот самый случай когда, создавая свой, оригинальный, текст, журналист вводит в него элементы чужого текста.

Рассмотрим функцию этих элементов. Н. С. Валгина указывает на следующее при использовании ссылок на ПТ могут подчеркиваться или проявляться “доминантные смыслы основного текста”, открываться “иной смысл, рожденный в результате наложения смыслов”, а также создаваться “разные уровни восприятия текста в целом” [13, 18]. Об этом же говорит и Т. М. Николаева. Она называет данное явление “**суперсегментным**” и полагает, что его основная функция — “создавать дополнительные смыслы, семантическую ауру вокруг сообщаемого сегментными средствами” [9, 259].

Следует также упомянуть о том, что применение ПВ нередко сопровождается модификацией их формы. Такова отличительная черта их функционирования в языке современной публицистики. По мнению Н. С. Валгиной, стремление к трансформированию ПВ объясняется теми изменениями, которые язык публицистики претерпел за последнее десятилетие (так называемой “речевой вольницей” [13, 19]). Толчком к языковым изменениям послужили перемены в общественной жизни. Е. И. Голанова по этому поводу замечает следующее: “эпоха гласности ознаменовалась тем, что на смену выражению официально-“хорового” единомыслия и соответствующим языковым стереотипам пришла возможность свободного обмена мнениями, отсюда — и языковая раскрепощенность, раскованность, свобода в выборе содержания и формы” [14, 428].

Для обозначения такого способа оперирования ПВ, как их модификация, также существует множество терминов: **языковая игра** (В. З. Санников [15, 23]); **словесная игра** (Н. С. Валгина [13, 18]); **фразеологический каламбур** (В. Н. Вакуров [цит. по 13, 18]); **квазицитация** (Г. Г. Слышкин [4, 29]). Мы же будем говорить о **трансформировании** ПВ, целью которого в большинстве случаев является создание иронического или сатирического подтекста. В результате ПВ наполняются злободневным содержанием и, соответственно, становятся эффективным средством привлечения внимания читателя (особенно ярко это проявляется в заголовках). Кроме того, ПВ в данном случае становятся эффективным способом воздействия на эмоциональную сферу личности. Это воздействие осуществляется за счет узнавания ПВ, а также за счет степени злободневности и остроумности его трансформа.

При описании модифицированных ПВ мы пользовались классификацией типов трансформации, которым обычно подвергаются ПВ. Она была предложена Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой данная классификация включает в свой состав:

1. замену одного лексического компонента ПВ;
2. замену нескольких лексических компонентов;
3. контаминацию, основанную на скрещении двух ПВ;
4. усечение ПВ;
5. замену компонента, осуществляемую на основе созвучия исходного и заменяющего слов;
6. трансформацию, при которой от исходной формы ПВ не осталось почти ничего.

Прецедентные высказывания, функционирующие в современном публицистическом дискурсе, могут восходить к различным источникам. Это литературные произведения, тексты песен, кинофильмов, анекдотов, тексты религиозного и политического характера, фразеология (поговорки и пословицы), советские лозунги и дискурсы. Проанализированный материал (190 случаев применения ПВ) убеждает нас в том, что наиболее популярными из них являются литературные произведения (42%); тексты песен (21%) и фразеология (18%).

Рассмотрим несколько случаев применения трансформированных ПВ, в качестве источников которых выступают литературные произведения (имеются

в виду названия литературных произведений и цитаты из них). См. такой пример: *Давос и ныне там* [заголовок к статье о самом масштабном и известном экономическом событии года — форуме в Давосе] (“Аргументы и Факты в Украине”, №5, январь 2003 г.). Исходная форма ПВ — “*Да только воз и ныне там*”. Источником послужил текст басни И. А. Крылова “Лебедь, Щука и Рак” (1814). Тип трансформации (ТТ) — замена нескольких лексических компонентов, причем она осуществляется на основе созвучия исходных и заменяющего слов (они являются омофонами), т. е. оба типа трансформации выступают в неразрывном единстве. Здесь это ПВ употребляется в своем обычном значении: ““дело не двигается, стоит на месте, а вокруг него происходят бесплодные разговоры”” [16, 96]. Однако осуществляемая трансформация позволяет создать иронический подтекст: автор иронизирует по поводу того, что, несмотря на изменения целей форума, состав его участников остался прежним.

Трансформация, основанная на созвучии слов, являющихся омофонами, используется и в следующем примере: *За далью Даль* [заголовок] (“Русский мир”, 23. 11. 01). Исходная форма ПВ — “*За далью даль*”. Источником является название поэмы А. Т. Твардовского (1953-1960). С помощью трансформации, осуществленной в рамках заголовка, автор привлекает внимание читателя к тексту, где говорится о В. И. Дале — создателе “Толкового словаря живого великорусского языка”.

На наш взгляд не менее интересен такой случай: *Любовь, не покорная возрасту* [заголовок к статье о судьбе Любви Орловой] (“Аргументы и Факты в Украине”, №7, февраль, 2002г.). Исходная форма ПВ — “*Любви все возрасты покорны*”. Источник: текст романа в стихах “Евгений Онегин” А. С. Пушкина (1823-1831) [гл. 8, строфа XXIX]. Здесь, как и в первом примере, совмещены два типа трансформации. Во-первых, имеет место замена, осуществляемая на основе созвучия омофонов — слова “любовь” и имени знаменитой советской актрисы, во-вторых, трансформация, приведшая к тому, что от исходной формы ПВ не осталось почти ничего. Данная заголовочная конструкция соотносится с содержанием статьи, суть которой состоит в следующем: даже разменяв восьмой десяток, актриса сохраняла молодость души.

Теперь проанализируем ПВ, восходящие к пословицам и поговоркам. См. такой пример: *Сегодня у России выбора нет. Назвались капиталистическим груздем — придется лезть в буржуазный кузов* (“Аргументы и Факты в Украине”, №4, январь, 2002г.). Исходная форма ПВ “*Назвался груздем, полезай в кузов*”. Рассмотрим следующий случай: *Разгорелась настоящая политическая рубка, щепки от которой разлетелись по всей Европе* (“Аргументы и Факты в Украине”, №8, февраль, 2002г.). Источник: “*Лес рубят — щепки летят*”. В обоих случаях ТТ — трансформация, при которой от исходной формы ПВ не осталось почти ничего. Цель трансформации очевидна: автор хочет более ярко и образно охарактеризовать политическую ситуацию в стране и, таким образом, оказать максимальное воздействие на эмоциональную сферу личности читателя.

Рассмотрим ПВ, источниками которого являются тексты песен (имеются в

виду название песен и цитаты из них). Как уже было сказано ранее, этот вид ПВ вызвал у нас наибольший исследовательский интерес. Его можно объяснить тем, что данная часть национального корпуса ПТ исследована в меньшей степени, чем, к примеру, литературные произведения. А ведь значение песен огромно — по ним так же, как и по литературным произведениям “судят о государстве, о людях, о времени” [17, 4]. Кроме того, этот вид источников ПВ занимает второе место по частотности обращения.

Проанализируем такой пример: *Как провожают паровозы...* [заголовок к статье о том, что из-за проигрыша “Милану” футбольная команда “Локомотив” сохранила лишь призрачные шансы на продолжение борьбы в Лиге чемпионов] (“Комсомольская правда в Украине”, №36, 2003г.). Исходная форма ПВ — “*Как провожают пароходы?*”. Источником этого ПВ является текст песни “Как провожают пароходы” (сл. К. Ваншенкина, муз. А. Островского, исп. Э. Хиль). ТТ — замена одного лексического компонента. Своеобразие этого случая заключается в том, что, во-первых, заменяющий компонент по своей структуре близок к заменяемому (ср. “паровозы” и “пароходы”); во-вторых, замена, осуществленная в рамках приведенного заголовка, напрямую связана с содержанием всей статьи — спортивная команда, о проблемах которой идет речь, носит название “Локомотив”, а “локомотив” есть не что иное как “паровоз”. С помощью трансформации автор статьи демонстрирует свое скептическое отношение к возможности каких-либо положительных изменений в описываемой ситуации, а также привлекает к данной проблеме внимание читателя.

Рассмотрим следующий случай: *Регина Дубовицкая: “Говорят, не повезет, если Рыжик вам дорогу перейдет”*. [заголовок к статье о домашних любимцах ведущей передачи “Аншлаг, аншлаг...”] (“Телемир”, №14, 2003г.). Исходная форма ПВ — “*Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет*”. Источником ПВ: текст песни “Черный кот” (сл. М. Тамича, муз. Ю. Саульского). ТТ — замена нескольких лексических компонентов. Интересно, что такая трансформация позволяет сатирически “обыграть” ситуацию, изложенную в статье: всех котов ведущей зовут “Рыжиками”, несмотря на их черный окрас.

Не меньшего внимания заслуживает следующий пример: *Укололся и забыл*. [заголовок к статье о специальных инъекциях, омолаживающих кожу лица] (“Собеседник”, №8, 2003г.). Исходная форма ПВ — “*Уколоться и забыть*”. Источником: текст песни “Письмо в редакцию телевизионной передачи “Очевидное-невероятное” из сумасшедшего дома — с Канатчиковой дачи” (сл. и муз. В. Высоцкого). ТТ — замена одного лексического компонента. При соотнесении рассмотренной заголовочной конструкции с содержанием статьи следует подразумевать: “Укололся (т. е. сделал омолаживающую инъекцию) и забыл (о возрасте)”, что кардинально отличается от смысла исходного ПВ (там говорится об инъекции транквилизатора и соответствующем эффекте).

См. также следующий пример: *Первым делом самолеты, ну а хлебушек потом*. [заголовок к заметке о том, что Эфиопия приобрела у России семь самолетов, несмотря на то, что в скором времени ей грозит очередной голод] (“Аргументы

ты и Факты в Украине”, №4, январь, 2003г.). Исходная форма ПВ —

“Первым делом, первым делом — самолеты.

— Ну, а девушки?

— А девушки потом!”

В качестве источника ПВ выступает текст песни “Мы, друзья, перелетные птицы” (сл. А. Фатьянова, муз. В. Соловьева — Седого). ТТ — замена лексического компонента, осуществляемая на основе созвучия исходного и заменяющего слов (также имеет место компрессия). С помощью трансформации автор иронически обыгрывает описываемую ситуацию: правительство страны больше заботится о решении оборонного вопроса, нежели о благополучии тех, кого предполагается оборонять.

ПВ, восходящее к текстам песен могут использоваться и в рекламных текстах, помещаемых на страницах современной прессы. По словам Г. П. Джинджолии, “ПВ обогащают рекламу смысловыми и эмоциональными оттенками расширяют ее культурное пространство” [18, 220]. Проанализируем такой случай: *Газета молодости нашей...* [реклама газеты “Комсомольская правда в Украине”, №54, 2003г.]. Исходная форма ПВ — *“Команда молодости нашей, команда, без которой нам не жить”*. Источником служит текст песни “Команда молодости нашей” (сл. Н. Добронравова, муз. А. Пахмутовой). ТТ — усечение ПВ и замена одного лексического компонента.

Таким образом, вполне очевидно следующее: для адекватного понимания современных публицистических текстов, насыщенных подобными случаями, инфон должен обладать высоким уровнем культурной грамотности, чтобы сначала распознать ПВ как “чужой” элемент, затем восстановить его исходную форму и понять ее значение.

Безусловно, трансформированные ПВ обладают дополнительным зарядом экспрессии. Однако бывают случаи, когда ПВ, употребленные в исходном виде, по силе воздействия на эмоциональную сферу адресата ничуть не уступают тем высказываниям, которые подверглись преобразованию. Рассмотрим такой пример: *На позицию devushka провожала boytsa*. [подпись под фотографией к статье о войне между США и Ираком] (“Аргументы и Факты в Украине”, №9, февраль, 2003г.). Источником ПВ *“На позицию девушка провожала бойца”* послужил текст песни “Огонек”, посвященной событиям Великой Отечественной войны (сл. М. Исаковского, муз. М. Никоненко). Обращение к данному ПТ стало актуальным в свете последних политических событий войны между США и Ираком. Экспрессивный заряд усиливается за счет чисто внешнего приема — написания русских слов буквами английского алфавита. Таким образом, делается акцент на иностранном (американском) происхождении людей, изображенных на фотографии — солдата и девушки, с которой он прощается.

Иногда исходное ПВ помещается в неожиданный контекст, например: *Чем дальше, тем очевиднее для россиян ответ на харизматический вопрос “Где деньги, Зин?”* [к статье о распределении доходов от природных богатств] (“Литературная газета”, №6, 2003 г.). Источником ПВ *“Где деньги, Зин?”* является текст песни “Диалог у телевизора” (сл. и муз. В. Высоцкого). Автор статьи придал это-

му вопросу общий характер. Необходимость обобщения заложена в контексте, окружающем данное ПВ: в статье обсуждается проблема всероссийского масштаба (в то время как в тексте-источнике речь идет о проблеме частного плана).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**: в современном публицистическом дискусе ПВ функционируют как в исходном (33% от общего количества проанализированных случаев), так и в трансформированном виде (67%). Оба способа применения ПВ требуют от учащихся высокой культурной грамотности, поскольку они тесно связаны друг с другом: для того, чтобы заметить в тексте модифицированное ПВ и воспринять его экспрессивный заряд, необходимо знать исходную форму этого ПВ и владеть его семантикой (что само по себе достаточно тяжело, т. к. ПВ является сложным знаком, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу). Если инофон не знаком с данным прецедентным феноменом, то даже при высоком уровне владения языком он "может понять лишь "поверхностное" значение высказывания, выведя его из суммы значений входящих в него слов, глубинное же значение высказывания, его смысл, его экспрессивная направленность (напр., ирония) останутся для него закрытыми" [6, 56]. Именно в таких случаях очень часто происходит срыв коммуникации.

Как раз поэтому **перспективность** нашего исследования заключается в том, чтобы произвести инвентаризацию самых частотных ПВ и описать специфику их функционирования. Важность и востребованность такой работы очевидна. Ведь чтение и понимание публицистических текстов способствует развитию культурной (а значит и коммуникативной) компетенции у инофонов, что в свою очередь является обязательным условием их успешной профессиональной деятельности после окончания учебных заведений.

Литература

1. Гудков Д. Б., Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. -- №6. Изд.-во Московского университета, 2001, С. 244-257

2. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. --- №3. Изд.-во Московского университета, 1997, С. 62-75

3. Касьянова В. М. Преподавание русского языка как иностранного в плане формирования культуроведческой компетенции учащихся: новые ориентиры // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом: Тезисы докладов Международной конференции. Составители: Ершова Л. В., Норейко Л. Н.; под общей редакцией М. Л. Ремневой. -- М.: Изд.-во Московского университета, 2001. — 384 с., С. 139-140

4. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. --- М.: Academia, 2000. — 128 с.

5. Шабес В. Я. Событие и текст. — М.: “Высшая школа”, 1989. — 175 с.
6. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. — М.: Изд.-во МГУ, 2000. — 120 с.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: “Наука”, 1990. — 246 с.
8. Дядечко Л. П. Лингвистическая характеристика цитат-реминисценций в современном русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Киев, 1989. — 48с.
9. Николаева Т. М. О параллелизме в функционировании речевых клише и некоторых суперсегментных просодических моделей // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: “Языки русской культуры”, 1999. — 336 с., С. 250-260.
10. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, №6, С. 17-29.
11. Пермьяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. — М.: 1988. — 125 с.
12. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993. С. 98-117.
13. Валгина Н. С. Текст в тексте // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной / Моск. гос. ун.-т печати. — М.: МГУП, 2002. — 202с., С. 7-20.
14. Голанова Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). — 2-е изд. — М.: “Языки русской культуры”, 2000. — 480 с., С. 427-451.
15. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999, 223 с.
16. Почему мы так говорим? Крылатые слова / Отв. ред. Р. А. Замтарадзе. — Симферополь: “Бизнес-информ”, 1996. — 352 с.
17. Такая молодость пора...: [Сб. песен] / Сост. В. Аксенов; Предисл. И. Шаферана; Коммент. Л. Ивановой. — М.: “Мол. гвардия”, 1987. — 318 с.
18. Джинджолия Г. П. Прецедентные тексты в современной рекламе // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе / Отв. ред. Л. Н. Синельникова, Л. Ф. Компанцева, Т. А. Петровская. — Луганск: Луганский гос. пед. университет им. Т. Г. Шевченко, 2000. — 294 с., С. 216-220.